

ЛЕКСИЧЕСКИЕ БЕЛОРУСИЗМЫ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

Большинство русскоязычных прозаических художественных текстов строится на белорусском материале, и для их героев, жителей Беларуси, родным языком является белорусский. Естественно, что перед писателем, обращающимся к изображению жизни белорусского народа, встает проблема воссоздания в тексте на русском языке речевого облика персонажа, говорящего по-белорусски. Это делает естественным и оправданным употребление белорусских слов. Рациональным и эффективным оказывается, на наш взгляд, такой способ их применения, при котором писатель не копирует подлинную белорусскую речь, а дает лишь намек на нее, включая в реплики персонажей-белорусов, написанные в основе своей по-русски, отдельные колоритные белорусские слова. Лексические белорусизмы в таком случае выступают в роли своеобразных знаков дополнительной информации о характере речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности. Чаще всего это слова знаменательных частей речи (существительные, глаголы, прилагательные, местоимения, наречия). Удачным оказывается включение в реплики персонажей белорусских служебных и модальных слов, междометий. Такая речь целиком понятна читателю-небелорусу и вместе с тем сохраняет свою национальную языковую специфику.

Подобное употребление лексических белорусизмов довольно редко поддерживается контекстом художественного произведения (если иметь в виду существование в нем вербально выраженной информации о национальности и/или языке говорящего). Включенные в русский текстовый массив белорусские слова уже сами по себе достаточно ярко свидетельствуют о национальности, языке говорящего и не нуждаются в дополнительной поддержке своего употребления со стороны контекста. Обычно такая поддержка носит косвенный характер и обуславливается тематикой произведения (сельской), социальными параметрами персонажей (крестьянство), местом описываемых событий (белорусская деревня). В ряде случаев функция лексических белорусизмов в речи персонажей может проявляться благодаря различного рода географическим справкам, которые способствуют территориальной локализации описываемых событий: *Северо-западная окраина Белоруссии, Полотчина... Древний Полоцк – родина княжны Ефросинии, Франциска Скорины, Симеона Полоцкого... А самый-самый, как говорят в этих краях, паўночна-заходні куточак Полаччыны – Освейщина (Г. Геродник. Поплачем и посмеемся); Живет Улька в этой деревне – Лутихи называется - пятьдесят*

один год. А родом из Борков – двенадцать верст вон в ту сторону (В. Савицкий. Улька); Люблю я наши полесские деревни за их широкие улицы, просторные дворы... И люди тут тихие, неторопливые, с мягким говором и добрыми глазами (А. Сопот. Спроси самого себя).

В других случаях включение лексических белорусизмов в речь персонажей может сопровождаться ситуативно-контекстным подчеркиванием национальности и/или языка говорящего: *Только и выдает себя Франц тем, что переходит на белорусский* (В. Глушаков. Академический отпуск); *Слегка захмелевший Иван незаметно для себя перешел на видиборский говор* (В. Глушаков. Цветение калины); *Типичный белорусский дед, – сказал Иван, – воплощение национального характера* (В. Тарас. Прощальные костры); *Удивило – говорил по-белорусски* (Э. Ялугин. Камни Млечного пути).

Лексические белорусизмы могут обслуживать иные направления писательской конкретизации речевого облика персонажа. В ряде случаев их вкрапление в реплики героев свидетельствует о намерении писателя передать речь персонажа – носителя белорусско-русского двуязычия совмещенного типа. С этой целью речевые партии персонажей по-прежнему строятся при помощи частичного включения белорусских слов, однако стилистическая функция лексических белорусизмов в них видоизменяется – они выступают в роли сигналов изображаемого здесь явления, своеобразных знаков дополнительной информации о смешанном характере речи говорящих. Так, например, при наличии определенного фонового знания как смешанная должна восприниматься речь персонажа, в прошлом – жителя деревни, а теперь – рабочего одного из минских заводов, благодаря наличию в ней лексических белорусизмов: *От видно, хлопцы, что вы радио не слушаете дома; Поглядел он на нее и тяжелехонько, небарака, вздохнул; Добродей выискался! О детях моих вспомнил!* (В. Глушаков. Цветение калины).

Свою беседу с незнакомым человеком "старичок из Хотомля" старается вести, если судить по такой фразе: "На троицын день детва землянику, сунницы по-нашему, брала в бору", – по-видимому, по-русски. Однако русская речь персонажа испытывает сильное интерферирующее влияние со стороны его родного белорусского языка: *Рантом прибегают на вёску – напужанные, сердечки, как у зайчат, колотятся: "Дитё сповитое лежит у Черного дуба". Молоньей будто, стало быть, опаленный, оттого и Черный... Я хутко запряг Сивка да и погнал к тому овражку* (В. Глушаков. Цветение калины).

В следующих примерах функция лексических белорусизмов удачно прослеживается благодаря наличию авторского ситуативно-контекстного подчеркивания смешанного характера речи персонажа: *Она говорила на том смешанном русско-белорусском языке, на котором говорят в любом районном*

центре от Кобрина до Рогачева (М. Козловская. Пасынок): Ой, детки мои дорогие, вы, наверно, голодные. Зараз я вам ести прилажу; Лучшие не спрашивай, дачушка. Я дужа справядливая и манить не буду: учится очень плохо, конюхом буде, як и батька яго; Понимаю, сынок, пошукает.

Речь жителя одной из лесных деревень Дзержинского района старика Юргеля, белоруса, "хлебнувшего лиха во Франции в первую мировую войну", автор характеризует следующим образом: *Старик говорил по-белоруски, изредка вставляя русские слова (Э. Ялутин. Год – другой в Алжире): Пан не пан, але ж и не голодранец; Вертался, думал, – качал Юргель седой головой и продолжал глядеть на немое чело печи, будто дивясь чему-то, – не дождалась – бог ёй суддзя, а я тады з яе сястрою ажанюся.*

Вместе с тем, следует отметить, участие лексических белорусизмов в создании речевой характеристики персонажа не ограничивается только выполнением роли нейтральных показателей национально-специфических особенностей его речи. Если писатель стремится расширить сферу применения лексических белорусизмов, если он выводит их употребление за пределы показа лишь внешних примет персонажа, то он вводит белорусские слова в речь своих героев уже в ином качестве, что связано с решением задач изобразительно-выразительного плана. В таком случае белорусская лексика наряду с функцией национально-языковой локализации речи персонажей выступает и как характерологическое средство создания их личных идиолектов.

Наблюдение над фактическим материалом показывает, что характерологическое использование лексических белорусизмов имеет свою особенность, связанную со специальным вниманием писателей к индивидуальным речевым характеристикам в их жизненно-социальной достоверности. В соответствии с этим белорусские слова выступают в речи персонажей прежде всего как средство ее социальной типизации и индивидуализации, что, в свою очередь, позволяет писателю "прикрепить" героев не только к национальной, но и к определенной социально-бытовой среде. Подобному характерологическому использованию лексических белорусизмов способствует и такая их особенность, как способность белорусской лексики вызывать ассоциации определенного социального характера, и в первую очередь, – представление о белорусской деревне, деревенской действительности с ее характерной приметой – белорусской речью. Не случайно поэтому, на наш взгляд, то, что подавляющее количество лексических белорусизмов обнаруживается в речи персонажей – жителей сельской местности или горожан, выходцев из деревни.

Социальная типизация и индивидуализация речи персонажей может иногда дополняться их этносоциальной характеристикой. Происходит это

в тех случаях, когда в речь персонажа включаются лексические белорусизмы, которые имеют формальные (фонетические, фonomорфологические) диалектные отличия от соответствующих лексем белорусского литературного языка и характеризуют таким образом говорящего как носителя определенного территориального диалекта. Так, в речи персонажей могут находить отражение следующие фонетические и морфологические особенности полесских говоров: совпадение гласной неверхнего подъема [а] в неударном слоге в звуке [э]; замена [ы] после губных звуком [у]; оканье; произнесение [j] вместо [г] в местоимении гэта; отсутствие протетического согласного звука [в] перед начальным ударным [о]; употребление приставного звука [в] в указательно-личном местоимении 3-го лица; наличие формы существительного мужского рода 1-го склонения на -а в родительном падеже единственного числа; употребление глагольных форм настоящего времени на -мо; сохранение звательной формы имен существительных и др. Например: *Это ж, мой человек, до Ремаля, небарака, добирается; А вон уже тогда, при них, вдовцом бул; То було-було все, а то раз – ничего нема; Та в город переезжаемо. У Пинск. На свою квартиру. До батька нашего едемо, заждався, мабыць; Иванко, хлопчику мой! Голодный, мой сынку* (В. Глушаков. Академический отпуск); *Яны здесь недалеко, на соседним острове; Почуюць яшчэ, дык постраляюць. Я ж повинен быв прыйсци одзин, а тут нас двое* (Н. Могильный. До особого распоряжения).

Этот прием этносоциальной типизации и индивидуализации речи персонажей, как правило, сочетается с точной территориальной локализацией изображаемых событий: *Ночью на небольшой полесской станции Видибор пришлось делать пересадку... После короткой остановки в Видиборе шустрая полнотелая проводница привела в купе молодайку с грудным на руках* (В. Глушаков. Академический отпуск); *Деревни же на юге Полесья, как и на Украине, бывают и по нескольку сот дворов* (Н. Могильный. До особого распоряжения).

Лексические белорусизмы могут выступать как одно из средств социальной типизации и индивидуализации речи персонажа - представителя определенного слоя городского населения. Так, например, в рассказе В. Тараса "Эвтаназия" создан колоритный образ бабки Типки из "соседнего двора". Выразителен ее портрет: *А бабка Типка была неряха и пьяница. Она ходила в измызганной ситцевой юбке и такой же кофте, поверх которой была надета замусоленная телогрейка с отрезанными рукавами – "куцавейка", как она ее называла. Из прорех "куцавейки" ключьями вылезала серая вата, туфли, или, как говорила бабка, "тухли", были зашнурованы грязным шпагатом. Внешнему облику бабки Типки полностью соответствует и ее речь, которая представляет собой причудливую смесь русского просторечия и слов белорусского языка: *Пора бабе урода нянькать, нехай и Зинка пошукает**

чего по городу; Яны бомбы бояться, а люди склады грабют! Во и баба себе нацедила вядерце! Нехай тебя саму бомбой разорвет на шматки, паскуда!

Одновременно с национально-языковой и социальной локализацией персонажа лексические белорусизмы могут участвовать в раскрытии образа героя, его внутреннего мира и особенностей характера. В таком случае отбор лексических средств белорусского языка определяется содержанием художественного образа и направлен на его выражение. Например, в повести Г. Геродника "Поплачем и посмеемся" создан выразительный образ простой деревенской женщины, колхозной свиначки Марии Жавнерки. Лексические белорусизмы, которые писатель включает в ее речь, относятся к разным лексико-грамматическим разрядам слов, но преимущественно это имена существительные, называющие предметы и явления бытовой крестьянской жизни. Такой отбор белорусского языкового материала находится в полном соответствии с содержанием внутреннего мира героини, отражает круг привычных для нее реалий, повседневных забот и интересов: *Дусіно потомство спит рядком, пряслицем... Графініно – опять пряслицем... У этой Графини один поросенок делает все наоборот, наперекор остальным. Братишки-сестрички улягутся в одну сторону, лычком к лычку, а он, неслых этакий, ко всем вальтом вытянется; Четырех отелов, пригожая, гладкая, черно-белой блестящей масти и, главное, – удойливая; У ждановцев любимое блюдо было каша с гребешками – бульбяное пюре, заправленное шкварками и жареной цыбулей; А коптят в наших краях в банях. И обязательно ольховыми дровами и ядлыным; Перенесли Севастьянчики в баню и поразвесили на крюках, на веревках колбасы и полендицы, кумяки и грудинку, головизну и бруски сала.*

Надолго остается в памяти читателя поэтичный образ белорусской девушки Кристины из повести В. Тараса "Прощальные костры". Лексические белорусизмы используются здесь не только для создания национального, социального колорита речи героини, но и как средство раскрытия ее внутреннего мира, особенностей характера. Национальное мироощущение героини, ее любовь к родной природе, к местам, где она родилась и выросла, удачно подчеркиваются введением в ее речь белорусских слов, которые входят в состав лексико-семантических групп, обозначающих явления природы, мир животных и растений: *Шитишина – это цветок такой; Непременно будет навальница, – сказала Кристина. – Паук посреди дня не показывается, жары боится. И коники притихли, чуешь?.. Канюшина как пахнет! – сказала она с порога. – Оно ж будет навальница!*

Такие черты характера героини, как нежность и лиризм, ее эмоциональное восприятие действительности ярко обнаруживаются в следующем диалоге:

– Зорка Венера, – тихо сказала Кристина. – Слышал про такую?

– Венера не звезда, – сказал он, ковыряя ногой землю...

– Светит, значит, звезда, – все так же тихо сказала Кристина и повторила по-белорусски: – Зорка...

В данном примере общеупотребительное белорусское слово зорка в речи героини становится более емким и поэтичным, наполняется дополнительным смысловым и эмоциональным содержанием, что расширяет его изобразительно-выразительные возможности и как характерологического средства.

В целом, функционально оправданное использование белорусской лексики в речи персонажей способствует созданию национально-языкового, социально-психологического своеобразия их речевых характеристик, пополняет арсенал стилистических средств художественной речи, свидетельствует о живых процессах взаимодействия близкородственных языков.